

Vyaceslav Naumenko
P.O. Box 126
Orangeburg, N. Y. U. S. A.

Е. ГУЛЫЙ

КАЗАЧИЙ ПУТЬ.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК.

Ты Кубань, Ты наша Родина,
Вековой наш богатырь,
Многоводная, раздольная,
Разлилась Ты вдоль и вширь...

Герб Кубанского Казачьего Войска,
утвержденный
31-го Января 1874 г.

О Тебе здесь вспоминаючи,
За Тебя-ль не постоять,
За Твою-ли Славу Старую,
Жизнь свою-ли не отдать...

№ 1.

СЕНТЯБРЬ 1960 г.

ERMOLAY GULY
735 Otisco Street
SYRACUSE 4, N. Y.
U. S. A.

ПОСВЯЩАЕТСЯ ПАМЯТИ ВЕРНЫХ СЫНОВ КУБАНИ
ЖИЗНЬ СВОЮ ЗА РОДИНУ ПОЛОЖИВШИХ.

Vyaceslav Naumenko
P.O. Box 126
Orangeburg, N. Y. U. S. A.

Командующий Кавказской Армией
Генерал Барон Петр Николаевич Врангель.

ШАРИЦЫН.

Воспоминания.

Весна 1919 года много обещала нам. Весь Кубанский Край был освобожден от большевиков. Нарушенная революцией, спокойная, патриархальная жизнь казаков на Кубани быстро возстала и вливалась. Люди уже спокойно спали, усердно работали и горячо молились Богу о даровании мира в Стране. Цвет Кубани - казаки, способные носить оружие, были на фронте.

Лето 1919 года было зенитом БЕЛОЙ БОРЬБЫ на Юге России. Было это ровно за год раньше КАЗАЧЬЕЙ ТРАГЕДИИ на Черноморском Побережье. Вот об этом времени, братья казаки, мне, скромному участнику этого похода и хочется рассказать Вам.

20-го апреля 1919 года я, согласно приказа Начальника Штаба Кубанского Казачьего Войска, был назначен в распоряжение Атамана Таманского отдела, в станицу Славянскую. 25-го апреля был назначен начальником эшелона пополнения 9-го Кубанского Пластунского батальона. 30-го апреля я прибыл в батальон на Маньчские позиции и сдал пополнение. Я снова попал в свой родной батальон. С 9-м Кубанским Пластунским батальоном, 22-25-го февраля 1916 г. я, из Новороссийска на судах Черноморского флота в десанте, переплыл Черное море и высадился в Турции. В составе батальона брал Трапезунд, Платану, Казрия, Еникея, Огнот, высоты Султан Мурат, Камиджан-Даги и много др. С батальоном, в 1916-1917 г.г., я исколесил всю Турцию.

И вот здесь, на Маньче, я встретил тот же славный батальон, как будто бы революция и не коснулась его. Пластуны были разного возраста, но все были бодрые духом, веселые и насыщенные хохлацким юмором. Батальон был сильного состава и пропитан задором своего превосходства над противником. Это были те пластуны, о которых уже давно сложилась народная молва - "Пластуны в огне не горят, в воде не тонут".

Командовал 9-м Кубанским Пластунским батальоном Полковник Спиридон Филимонович Цыганок, казак станицы Новониколаевской, Таманского отдела. Он окончил Ставропольское Казачье Юнкерское училище. Сначала служил в 3-м Кубанском Пластунском батальоне, а в I-ю Мировую войну - в 9-м Кубанском Пластунском батальоне. На Кавказском фронте он, с 1916 года, блестяще командовал этим батальоном и с ним вернулся на Кубань в 1918 году. Полковник Цыганок принадлежал к плеяде, выдающихся пластунов Кубанского Войска.

Помощниками командира батальона были: по строевой части - полковник Петр Яковлевич Бойко, казак ст. Петровской, Таманского отдела, а по хозяйственной части - Войсковой Старшина - Капустян, казак ст. Славянской, Таманского отдела.

2-го мая я, в чине есаула, был назначен командиром 2-й сотни. Батальон занимал позицию по левому берегу Маньч, приблизительно 20 верст вверх от станицы Великокняжеской. Маньч, в этом месте, не река, а скорее топкое болото, мелководный, с низкими берегами, с трудом проходимый вброд, для артиллерии же совершенно непроходимый. На правой стороне Маньча, против нас, маячили конные разъезды красных. В станице же Великокняжеской

и ее окрестностях была сосредоточена X-я советская армия. Она занимала сильно укрепленную позицию на правом берегу Маныча, особенно на его переправах и железнодорожном мосту.

С утра до вечера над ст. Великокняжеской висел аэростат, с которого красные наблюдали за нами. Пластуны аэростат называли "колбасой", шутили и ругали его.

В конце апреля, против красных на Маныче, Главнокомандующий ген. Деникин, сосредоточил большие конные группы, главным образом, Кубанские конные полки, которые в начале мая образовали "Кавказскую армию", командующим которой был назначен Генерал-Лейтенант, Барон П.Н. Врангель.

Имя Генерала Врангеля, как талантливого полководца, было весьма популярным среди Кубанских казаков. Он весь импонировал им своим кавказским орлиным полетом. Его обожали, ему верили и любили его казаки.

Чтобы скрыть переход наших войск через Маныч, Генерал Врангель приказал саперам и пластунам соорудить через Маныч не мосты, а из досчатых заборов наделать щиты и из них навести настил по дну реки. Переход наших войск он назначил на 4-е мая. Весь день 3-го мая заготавливались щиты. Всю ночь на 4-е мая пластуны, раздетые до пояса, вносили щиты в воду и, не давая им всплывать, держали пока, проходящими тяжестями, они не были вдавлены в топкое дно реки и закрепляли их. К рассвету настил был готов.

Конные полки легко и быстро перешли на правый берег Маныча, за ними прошли легкая и тяжелая артиллерии. Сразу же наши войска двинулись на Великокняжескую. Противник медленно отходил на запад. Наш батальон оставался в армейском резерве.

К вечеру 4-го мая наша I-я конная дивизия ген. Шатилова атаковала и разгромила красных у переправы Бараниковской, взяла много пленных и военной добычи. 5-го мая на заре наши войска продолжали наступление на Великокняжескую, охватывая ее с юго-востока и востока.

Высланный заслон наших наступающих войск, Астраханская бригада ген. Зыкова, выдвинутая далеко на восток, наткнулась на красный конный корпус Думенко,двигающийся на помощь IO-й армии в Великокняжескую. Астраханская бригада смело его атаковала, но понесла страшные потери, дрогнула и в беспорядке отступила. Был ранен ген. Зыков, убиты и ранены все командиры полков. Брошенные туда, по приказанию ген. Врангеля, Кубанские и Терские полки I-го корпуса ген. Покровского, спасли положение и задержали противника.

На рассвете 6-го мая бой возобновился по всему фронту. За день наши войска продвинулись немного вперед, а окончился день так, как ярко и красочно описал его сам ген. Врангель.

"На закате я назначил общую атаку, дав горцам, I-й конной дивизии и бригаде полковника Фостикова, направление на станцию Великокняжескую. Первым с юго-востока, вторым с востока. Генералу Покровскому приказал "сковать и разбить конницу Думенко". Для предварительного разстройства красной конницы приказал эскадрилье полковника Ткачева произвести бомбовую атаку.

С начала артиллерийской подготовки я объехал фронт полков, сказал людям несколько слов, приказал снять чехлы и распустил знамена. При построении боевого порядка всем пол-

ковым хорам приказал играть марши своих частей. Как на параде строились полки в линии колонн, разворачиваясь в боевой порядок. Гремели трубачи, реяли знамена. Вот блеснули шашки, понеслось "ура" и масса конницы ринулась в атаку, вскоре скрывшись в облаках пыли. Гремела артиллерия, белые дымки шрапнелей густо усеяли небо. Я на автомобиле понесся к полкам генерала Покровского. Налет полковника Ткачева оказался весьма удачным. Противник потерял большое число людей и лошадей; морально потрясенные его части разстроились. К сожалению, генерал Покровский замешкался, упустил удобный момент ударить на разстроенного противника. Последний успел опривиться и, не приняв атаки, стал поспешно отходить...

Великокняжеская была взята. Успех противника, форсировавшего Маныч и проникшего в глубокий тыл Добровольческой и Донской армий, грозя отрезать их от главной базы, завершился нашей победой. X-я армия красных была разгромлена. Противник за три дня потерял около 15.000 пленных, 55 орудий и 150 пулеметов.

Путь к Царицыну и Волге был открыт". Белое дело, т. 5, стр. 140-141.

9-й Кубанский Пластунский батальон, не доходя до Великокняжеской, получил приказание двигаться за отступающим противником вдоль железной дороги. Противник, отступая, разрушал все на своем пути.

Атака на ст. Великокняжескую нашей кавалерии была так стремительна, что красные не успели спустить аэростат, бой кончился, а он все висел и висел. Потом казаки рассказывали, что на "колбасе" находились 2 красных наблюдателя; они были страшно огорчены своим положением в воздухе и во-всю ругали своих начальников.

В сомкнутом строю мы быстро двигались вперед. Впереди батальона шли наши лихие конные полки, преследуя спешно отступающего противника. Мы шли по бесконечным, безводным степям.

8-го мая был получен следующий приказ армии:

" П Р И К А З

Кавказской Армии.

№ I.

8 мая 1919 года.

Станица Великокняжеская.

Славные войска Манычского фронта.

Волею Главнокомандующего, генерала Деникина, все Вы объединены под моим начальством и нам дано имя "Кавказская Армия".

Кавказ - родина большинства из Вас, Кавказ - колыбель Вашей славы...

От Черного и до Каспийского моря пронеслись Вы, гоня перед собой врага, - палящий зной и стужа, горы Кавказа и безлюдные ставропольские степи не могли остановить Вас, Орлы...

Орлиным полетом перенесетесь Вы и через пустынную степь калмыков к самому гнезду подлого врага, где хранит он награбленные им несметные богатства, - к Царицыну, и вскоре напоите усталых коней водой широкой матушки-Волги...

Б.Д. Т. 5, стр. 143.

Генерал В р а н г е л ь".

11-го мая части Кавказской армии подошли к реке Салу. На этом естественном рубеже красные делали отчаянные попытки остановить наше наступление, но после 2-х дневных упорных боев наши войска снова опрокинули неприятеля и вынудили его к отступлению.

15-го мая войска Кавказской армии заняли ст. Котельниково и форсировали реку Курмойрский-Аксай, быстро двигались вперед.

17-го мая с утра противник большими силами перешел в наступление против нашей 6-й пехотной дивизии, смял ее и почти всю уничтожил. Начальник дивизии, генерал Патрикеев был красной кавалерией зарублен. Артиллерия дивизии попала в руки красных. Выручать артиллерию со своей конницей бросился генерал Бабиев, отбил орудия, но его сильный противник потеснил назад. В это время на место боя прибыл командир 2-го Кубанского корпуса, ген. Улагай. Он с своим конвоем и случайно собранными им людьми бросился сам в атаку, смял врага, отбил потерянную 6-й дивизией артиллерию и заставил противника отступить.

20-го мая Кавказская армия достигла реки Есауловский - Аксай. На правом берегу этой реки противник занял сильно укрепленную позицию с окопами и проволочными заграждениями. Свои главные силы он сосредоточил на фронте хуторов - Генералов - Аксаков - Чиковский.

Настала очередь пластунов. Наш батальон расположился в балке, чистил винтовки и ждал обеда, как в 11 часов дня вызвал меня командир батальона. Он приказал мне взять с собой 2-ю и 4-ю сотни /460 штыков/, немедленно двигаться по большой дороге и, не доходя реки Есауловский-Аксай, сменить Кабардинский конный полк. Из армейского резерва также спешно двигался за пластунами дивизион гаубиц. Вскоре на дороге нас встретил на красивом белом коне командир Кабардинского полка. Он ждал нас. С коня, он плетью указал на позицию большевиков, быстро стянул своих спешенных всадников и в одно мгновение исчез. Приняв боевой порядок, пластуны осторожно двинулись вперед и, не доходя укрепленной позиции красных, залегли и стали окапываться... Около 3-х часов дня батареи красных сильно обстреляли нас. Вскоре, после артиллерийской подготовки, перед нами появились густые цепи красной пехоты. С красной пехотой на нас двигались маленькие автомобили-грузовики, вооруженные пулеметами. Пластуны молчали, подпуская к себе противника. Вскоре их автомобили-пулеметчики отделились от пехоты и во всю прыть понеслись на нас в беспорядке, поливая нас пулеметным огнем, а один из них, сторяча, проскочил наши цепи и вертелся в нашем тылу не зная что делать. Наши гаубицы, прямой наводкой, поражали врага. Когда же красные приблизились к нам на дистанцию "взять врага на себя", пластуны, до сих пор молчавшие, сначала открыли бешеный ружейный и пулеметный огонь по противнику и сами ринулись в контр-атаку. Противник дрогнул, засуетился, быстро повернул назад и стал спешно отходить на свои укрепленные позиции, а за ним, полным ходом, скрылись и автомобили-пулеметчики. Пластуны вернулись на свое исходное положение. Мы понесли чувствительные потери убитыми и ранеными. Красные нас больше не трогали. Нам не было, пока, приказа двигаться вперед.

На следующий день, в тылу нашей позиции, неожиданно опустился аэроплан. Когда я подошел к нему, то увидел 2-х донских офицеров, лежащих на земле и рассматривающих карту. Один из них был Ген. Лейт. Сидорин, Командующий Донской армией, которого я видел впервые, а другой есаул В. Удовенко, которого я знал по Кавказскому фронту, когда он в 1916 г. из II Кубанского Пластунского батальона, был откомандирован в авиационную школу.

Доложив генералу Сидорину обстановку на моем участке, я имел с ним и его пилотом очень приятную беседу. При этом, ген. Сидорин интересовался самочувствием нашего "пластунского - батальона", Генерал-Лейтенанта, Ивана Емельяновича Гулыги.

На меня ген. Сидорин произвел очень хорошее впечатление. Вскоре они распрощались со мной и, передав поклон пластунам, сели на аэроплан и улетели на север.

24-го мая, на рассвете, Кавказская армия по всему фронту атаковала красных. В нескольких местах прорвала укрепления на реке Есауловский-Аксаи, сбива всюду противника, который так спешно начал отходить, что даже не успел сорвать железно - дорожный мост.

В хуторе Генералов мы из досок заборов сколачивали гробы и хоронили убитых пластунов.

Наши конные полки преследовали противника. Наш батальон снова шел в армейском резерве. Мы приближались к Царицыну. Чем ближе приближалась армия к Царицыну, тем упорнее было сопротивление красных. Царицын - "Красный Верден", как его называли большевики, был страшно укреплен. Город опоясывали окопы в несколько рядов с сильным проволочным ограждением. Подступы к городу были защищены легкой, тяжелой и судовой артиллерией. Масса советских войск было сосредоточено для защиты Царицына.

29-го мая передовые части Кавказской армии, вплотную, подошли к Царицыну и встретили упорное сопротивление. В ночь на 1-е июня была произведена необходимая перегруппировка наших войск. Наш батальон и 3-я Кубанская Пластунская бригада ген. Ходкевича вошли в состав ударной группы ген. Шатилова, сосредоточенной в районе Гавриловка - Варваровка. Произошел наш первый неудачный штурм Царицына. Его ген. Врангель описал так:

"1-го июня едва стало светать, армия, заняв в течение ночи исходное положение, перешла в решительное наступление. Ударная группа стремительно атаковала позиции противника на реке Ягодной, прорвала фронт красных и заняла станцию Басаргино. Развивая далее наступление, пластуны к 6 часам вечера овладели селением Червленноразное, несколько раз переходившим из рук в руки, станциями Воропоново и Крутенская. Противник, при поддержке могущественной артиллерии и бронепоездов, оказывал упорное сопротивление, задерживаясь на каждой позиции. Наступившая темнота приостановила бой на последнем перед Царицыном рубеже, по линии: станция Ельшанка - село Ельшанка - станция Садовая - станция Гумрак. Ночью было получено донесение, что разведкой частей генерала Покровского, в районе хутора Вертячий - станица Качалинская, обнаружено сосредоточение значительных неприятельских сил.

С утра 2-го июня бой снова разгорелся. Ударная группа

Генерала Шатилова, развивая достигнутый накануне успех, с прежней стремительностью атаковала позиции красных; однако, встреченная сильнейшим огнем батарей и бронепоездов, вынуждена была отойти. Потери ударной группы, за последние два дня боя, были свыше тысячи человек, утомление людей и лошадей было чрезвычайное. Артиллерийские снаряды были совершенно на исходе. Двухдневный бой выяснил, что овладеть Царицыном нам не под силу. С болью в сердце, вынужден я был предположенную в ночь с 2-го на 3-е атаку отменить.

Я телеграфировал Главнокомандующему:

"После трехнедельного тяжелого похода, ведя непрерывные бои, армия подошла к Царицыну. Двухдневные кровопролитные атаки разбились о технику, сильнейшую артиллерию и подавляющую численность врага. Учитывая значение Царицына, противник продолжает подвозить подкрепления. Честно смотря в глаза истине, вижу, что без мощной пехоты, артиллерии и технических средств взять Царицын не могу. Должен допустить мысль, что переход противника в наступление приведет к потере обескровленной армией части захваченного пространства. Армию упрекнуть не могу. За время операции некоторые полки дошли по составу до сотни. Убито и ранено пять начальников дивизий, три командира бригад, одиннадцать командиров полков. 2 июня, будка № 4 у Воропоново.

Нр ОЮ47 В р а н г е л ь".

4-го июня красные, сосредоточив ударную группу против фронта 4-го корпуса, при поддержке сильной артиллерии, сами перешли в наступление в направлении на Воропоново. Главный удар врага обрушился на пластунов, которые, не взирая на мужественное сопротивление, были оттеснены. Одновременно противник вел сильное наступление и против других частей армии. Воздушная и войсковая разведка устанавливали ежедневный подход свежих неприятельских сил. В виду сложившейся обстановки, я решил оттянуть войска к линии Червленая и Карповка, упираясь правым флангом в Сарепту и здесь ожидать подхода подкреплений. Б.д. т. 5, стр. 153-155.

9-й Кубанский Пластунский батальон, в дни наступления на Царицын, понес большие потери убитыми и ранеными. Был ранен командир батальона, полковник Цыганок.

Мы расположились на отдых в глубокой балке и ждали подкреплений.

9-го июня к нам стали подходить полки 7-й пехотной дивизии, а за нею подошли и танки. В половине июня генерал Врангель решил вновь атаковать Царицын; для чего всю Кавказскую армию и сосредоточил на исходных позициях. Наш батальон вошел в ударную группу ген. Улагая.

Об этом наступлении ген. Врангель пишет:

"В ночь на 16 июня ударная группа генерала Улагая построила боевой порядок западнее железной дороги к югу от деревни Копани: в центре и впереди 4 танка с 3 броневыми автомобилями; непосредственно за ними пехота - 7-я дивизия и пластуны; в резерве два конных корпуса; на правом фланге 3 бронепоезда и 3-я Кубанская дивизия.

Едва стало светать, танки двинулись вперед и, давая проводочные заграждения, разошлись вправо и влево, разстреливая,

бросившуюся в панике бежать, неприятельскую пехоту. Следом за танками стремительно двинулась пехота. Вслед за пехотой устремилась в прорыв кавалерия.

Противник бежал частью на Царицын, частью на Воропоново. Брошенная для спасения положения со стороны станции Басаргино в направлении на Червленноразное красная конница, поддержанная двумя бронепоездами, успеха не имела. Наша конница, поддержанная бронепоездами, отбросила красных. Конница генерала Шатилова заняла станцию Воропоново. На правом фланге 3-я Кубанская дивизия, при помощи бронепоездов, овладела станцией и деревней Бекетовка и отбросила противника к станции Ельшанка.

Противник отошел на 2ую и последнюю укрепленную позицию, расположенную по высотам южнее и юго-западнее Царицына, по линии станция Ельшанка - село Ельшанка - Крутеньякая. В то время, как развивался бой на фронте ударной группы генерала Улагая, корпус генерала Покровского, после артиллерийской подготовки, перешел в наступление в общем направлении на Котлубань, но успеха достичь не мог. В 3 часа дня генерал Покровский вновь атаковал красных, прорвал фронт и совершенно разгромил противника, взяв 5.000 пленных и 8 орудий, выйдя на фронт Карповка - Бабуркин, одновременно конные части I-го Кубанского корпуса заняли хутор Вертячий. Около 5 часов вечера войска генерала Улагая вновь атаковали противника и после ожесточенного боя овладели станцией и селом Ельшанкой и станцией Садовой. Успеху атаки много способствовали наши аэропланы, бомбардировавшие войска противника. Неприятель отошел к самой окраине города.

К сожалению, генерал Улагай не воспользовался разстройством противника, чтобы на плечах его ворваться в город, и с темнотой наступление приостановил. За ночь противник успел оправиться и закрепиться. Я приказал на рассвете атаковать врага и, во что бы то ни стало, овладеть городом. Однако, генерал Улагай все время ссылаясь на чрезмерное утомление людей и просил атаку отложить.

Наступил рассвет, противник продолжал лихорадочно укрепляться. Я на автомобиле лично проехал вперед, переговорил с генералом Улагаем и настоял на атаке. В пять часов вечера ударная группа снова двинулась в бой. 3-я Кубанская и 7-я пехотная дивизии, при поддержке бронепоездов, после жесткой схватки прорвали, наконец, фронт красных и ворвались в город. Одновременно с атакой Царицына конница генерала Шатилова повела наступление на станцию Гумрак, овладела станцией и окончательно разгромила врага, пытавшегося здесь задержаться.

Разбитый на всех участках враг искал спасения в поспешном отступлении на север.

Кроме большого количества пленных, орудий и пулеметов мы захватили 2 красных бронепоезда "Ленин" и "Троцкий", 131 паровоз и около 10.000 вагонов, из них 165 классных и 2.085 груженых артиллерийскими и интендантскими грузами". Б.д. т.5, стр. 158-159.

В ночь на 18-е июня 9-й Кубанский Пластунский батальон был выдвинут вперед и занял позицию на правом берегу реки Царицы, упираясь своим правым флангом в Волгу. Утром перед нами, как на ладони, был виден весь пушечный завод и целый

город при нем. В городе не замечалось никакого движения. Вправо видна была широкая Волга, на которой, вдали от берега, стояли баржи и спешно нагружались, прибывающими на катерах и лодках, красными. Эвакуации красных никто не мешал, от нас она была далеко, а наша батарея еще к нам не подошла.

Около 10-ти часов утра на позицию прибыл Генерал Улагай. Я доложил ему обстановку на моем участке и обратил его внимание на эвакуацию красных по Волге. Генерал Улагай приказал 9-му Кубанскому Пластунскому батальону в 11 часов утра перейти в наступление и занять пушечный завод. Для поддержания нашего наступления генерал Улагай обещал, немедленно, выслать к нам батарею.

Ровно в 11 часов батальон двинулся вперед. Не встречая никакого сопротивления, пластуны быстро прошли пушечный завод и населенный пункт при нем, вышли на Саратовский тракт, что идет вдоль Волги, где и остановились. При нашем движении по улицам городка население его нас встречало радостно и тепло, всячески проявляя к нам свое внимание. Многие от радости плакали. Наш батальон остановился на возвышенности, с которой открывался чудный вид на север. Вправо видна была могучая Волга, влево города и села, уходящие далеко на запад и север.

На этой Царицынской возвышенности мы получили следующий приказ Командующего армией:

" П Р И К А З
Кавказской Армии

№ 57.

18 июня 1919 года.

Г. Царицын.

Славные войска Кавказской армии!

8-го мая под станцией Великокняжеской Вы разбили противника и погнали его к Царицыну.

С тех пор, в течение сорока дней, не зная отдыха, Вы гнали врага. Ни безводье Калмыцких степей, ни палящий зной, ни отчаянное сопротивление врага, к которому непрерывно подходили подкрепления, не могли остановить Вас.

В ряде жестоких боев Вы разбили X-ю и подошедшую XI-ю армии противника и, подойдя к Волге, ворвались в логовище врага - Царицын...

За все эти сорок дней противник потерял 40.000 пленных, 70 орудий, 300 пулеметов; его бронепоезда, броневики и другая военная добыча попали в Ваши руки.

Ура Вам, храбрецы, непобедимые орлы Кавказской армии.

Слава о новых подвигах Ваших пронесется как гром, и весть о Ваших победах в родных станицах, селах и аулах заставит гордость забиться сердца Ваших отцов, жен и сыновей.

Б.Д. Т. 5, стр. 158-160.

Генерал В р а н г е л ь "

В Царицыне я встретился со своим родным братом, Иван Ивановичем Гулым, которого я давно не видел. Брат служил в I-м Таманском полку, в 3-й Кубанской дивизии, ген. Мамонтова и

вместе с нами наступал и брал Царицын.

21-го июня 3-я Кубанская дивизия была переброшена за Волгу, где успешно вела бои и двигалась на север и на восток. В середине июля, в одной из конных атак, брат Иван Гулий был тяжело ранен в живот. Его перевезли в Царицын в военный госпиталь, где он, в страшных мучениях, и умер. Это была первая тяжелая потеря в нашей семье.

27-го июня, 9-й Кубанский Пластунский батальон в составе 2-го Кубанского корпуса, под командой ген. Говорущенко, занял посаду Дубовка, а 6-го июля 2-й корпус сосредоточился в гор. Балаклей.

12-го июля сильная группа Кавказской армии, под командой ген. Покровского, атаковала Камышин. Три дня продолжались упорные и жестокие бои. 15-го июля наши войска взяли Камышин. Около 13.000 пленных, 43 орудия, много пулеметов, 12 паровозов, более 1.000 вагонов и др. военных трофеев попали в наши руки.

После взятия Камыша войска, Кавказской армии, продолжали успешно двигаться к Саратову, но чем ближе подходили к нему, тем бои принимали самый ожесточенный характер. В плен уже никто не сдавался. Красные, в защиту Саратова против Кавказской армии, стянули колоссальные силы. На нас обрушились два корпуса красной кавалерии - Буденный и Думенко и много пехотных частей под командой Егорова.

В стыке Кавказской и Донской армий красные прорвали наш фронт. К концу июля совершенно изнуренные части Кавказской армии остановились и, отбиваясь от противника искусственными маневрами, нанося противнику короткие и чувствительные удары, стали постепенно отходить на юг.

В первых числах августа в батальоне была получена от Начальника Войскового Штаба телефонограмма, согласно которой я вызывался в Войсковой Штаб. Получив отпуск и сдав 2-ю сотню хорунжему Хорину, казаку ст. Крымской, Таманского отдела, я через Царицын выехал на Кубань.

В Екатеринодаре я, немедленно, явился к Начальнику Штаба, от которого узнал, что министр внутренних дел Кубанского Края Безкровный, по ходатайству Атамана Кавказского отдела полковника Бедакова, просит перевести меня в Управление Кавказского отдела, на должность помощника Атамана отдела.

При этом Начальник Штаба указал, что мой перевод из Военного Министерства в Министерство Внутренних дел должен быть согласован с Походным Атаманом Генералом Науменко, которого сейчас в Екатеринодаре нет, но он вернется через три дня. Как только ген. Науменко выразит свое согласие, Вы, немедленно, получите назначение. Пока же Начальник Штаба предложил мне поехать представиться министру внутренних дел Безкровному. Министр принял меня очень внимательно и ласково. Он не сомневался, что мой перевод состоится и предложил мне, немедленно, поехать на хутор Романовский к Атаману Кавказского отдела полковнику Бедакову.

На следующий день я был у него. Мы были знакомы по Кавказскому фронту, где он командовал 12-м Кубанским Пластунским батальоном, а я - Начальником Службы Связи Штаба 1-й Кубанской Пластунской дивизии. Полковник Бедаков тоже не сомневался в моем назначении и ознакомил меня с предстоящей

моей работой и с условиями жизни на хуторе.

Через три дня я был принят Походным Атаманом Генералом В.Г.Науменко, который на мой перевод своего согласия не дал. Мой перевод не состоялся.

Прежде чем выехать на фронт, я побывал у Атамана Таманского отдела, полковника Бережного, в ст.Славинской, по делам 9-го Кубанского Пластунского батальона и пополнения его пластунами.

Возвращаясь обратно из ст. Славинской, я остановился в станице..... переменить общественных лошадей. Дежурный по станице доложил мне, что лошади есть, а за ящиком он послал посыльного. Он пригласил меня в кабинет станичного атамана и предложил мне немного подождать. Было воскресенье. Литургия окончилась. На церковной площади служили молебен. Я пошел и присоединился к молящимся. Служили - благочинный, диакон и псаломщик. Хорошо пел хор. Молились о здравии мира и спокойствия. Было много молящихся. После молебна Атаман пригласил меня на общественный обед. Я принял приглашение. Обед был многолюдный. За обедом говорили - Атаман, благочинный, писарь и др. Было ясно, что политические события уже волновали станицу. Очередь была за мной. Я передал горячий привет всем казакам, казачкам и казачатам от пластунов 9-го батальона. Рассказал о невзгодах и лишениях, которые безропотно переносят казаки на фронте. Я не скрыл, что политические несогласия на верхах казаков на фронте тоже волнуют казаки, веря в милость Божию, свои надежды возлагают на стариков и верят, что именно они не допустят Кубань до беды. Я не ожидал, что мои слова вызовут сильное волнение и слезы среди присутствующих стариков. Все спрашивали меня, чем бы они могли помочь нам? Было решено послать со мной "гостинцы" на фронт. Я попросил атамана, чтобы посылки сопровождали два старика от станицы и назначил срок моего отъезда.

С необыкновенным воодушевлением вся станица готовила подарки на фронт. На 3-й день атаман телефоновал мне, что в станице собрано около 2-х вагонов: муки, сдобного хлеба, сухарей, сала, колбасы и т.п. и что два старика уже готовы к отъезду. Я попросил атамана стариков с вагонами направить в Екатеринодар, на Владикавказский вокзал, где я их и встречу.

Сейчас же я поехал в Торгово-Промышленный Отдел Кубанского Края, получить необходимое разрешение на вывоз муки за пределы Кубанского Края. Управляющий Отделом был казак станицы Ахтанисовской, ученый агроном Георгий Николаевич Назаров. Это был единственный казак нашей станицы, который окончил Петровско-Разумовскую Сельско-Хозяйственную Академию. Георгий Николаевич был очень рад меня видеть. Я, немедленно, получил разрешение. На вокзале я встретил стариков, наши вагоны прицепили к пассажирскому поезду и мы бодро двинулись на Царицын.

В это время под Царицыном шли жесточайшие бои. Царицын спешно эвакуировался. На станции Котельниково творилось что-то невероятное. Станция была буквально загромождена поездами. Все проезжие дороги были забиты отходящими обозами и беженцами. Дальше ехать было нельзя. С большим трудом мне, на мою ответственность, удалось убедить коменданта станции, мои вагоны с казаками, пропустить в Царицын, с возвращающимся туда паровозом.

24-го августа, к вечеру, мы прибыли на совершенно пустой Царицынский вокзал. Против вокзала, приблизительно, на 10-м пути стоял единственный товарный вагон, к которому присоединили и наши вагоны. У вагона вертелась пара всадника-кавказца. Они сопровождали на Кубань вагон, нагруженный гробами убитых офицеров их дивизии для погребения в своих аулах. Этот вагон почему то не захватили при эвакуации вокзала. Несчастные черкесы нам искренне возрадовались. Мы вышли из вагона и нам сразу стало не по себе. Ясно было, что Царицын висит на волоске. Испуганный дежурный по станции бегал и оглядывался на все стороны, ожидая, что вот-вот на станции появятся большевики. Мне стало жутко. По зловещей вечерней тишине трудно было определить, что делается на фронте и где он?

Рядом с вокзалом в тупике стоял санитарный поезд с ранеными. Меня это сразу успокоило, т.к. я был уверен, что генерал Врангель раненых никогда не бросит.

Сохраняя внешнее спокойствие перед стариками я, с одним из них, пошел в город Царицын поискать след обоза 2-го разряда нашего батальона. Город был мертвый. На улицах ни души. Казалось, что опасность смотрит на нас из каждого окна. Неприятно ходить по такому городу. Мы вернулись ни с чем. Наступила глубокая ночь. Никто из нас не мог спать. Все были на чеку.

Вдруг, около часа ночи, неожиданно, пронеслась радостная весть: "Врангель на вокзале!" Я поспешил на вокзал. Дежурный подтвердил, что генерал Врангель действительно здесь и что он пошел в санитарный поезд. Я решил, что генерал Врангель пройдет весь состав и выйдет из другого его конца. Так и было. Вскоре генерал Врангель быстро вышел из вагона. Я подошел к нему, отрапортовал кто я, при какой оказии я очутился со стариками на вокзале и как мне дать знать о себе в батальон?

На это ген. Врангель сказал мне, что опасности для Царицына уже нет: "Спите спокойно. Я сейчас вернусь в город и по телефону сообщу полковнику Запольскому о Вас, а он завтра вышлет к Вам связь". Пожав мне руку, ген. Врангель быстро ушел. Сразу стало легче на душе. Я вернулся к вагонам и рассказал всем о моем разговоре с ген. Врангелем. Теперь мы спокойно легли спать.

Генерал Врангель исполнил свое обещание, 25-го августа, утром к нам из батальона прибыл офицер и два казака с подвой. Вагоны с мукой мы отправили в обоз 2-го разряда, в Сарепту, а сами с подарками отправились в батальон, расположенный на передовой позиции у села Орловка. Старики, видимо, были очень довольны своими переживаниями, т.к. теперь им было о чем рассказать в станице.

В это время командовал 9-м Кубанским Пластунским батальоном полковник Х /фамилию не помню/, не казак, назначенный из офицерского резерва армии. Перед этим помощник командира батальона по строевой части, полковник П.Я. Бойко, был по болезни эвакуирован в тыл.

25-го августа я был назначен адъютантом батальона на законном основании и вр.и.об. помощника командира батальона по строевой части.

В этом же приказе батальону была выражена глубокая благодарность атаману станицы..., казакам и казачкам станицы и почетным старикам, посетившим батальон на передовой пози -

ции, за их внимание, щедрый дар и большую духовную радость, чего батальон никогда не забудет.

Старики получили копию приказа, трогательно попрощались со всеми, по дороге побивали в хозяйственной части батальона на станции Сарепта и в добром расположении духа поехали домой.

По всему фронту от Волги до Дона упорные жестокие бои не утихали.

Наконец, в начале сентября, в батальон прибыло пополнение: несколько молодых офицеров, только что окончивших Софиевское Военное училище в Екатеринодаре и 250 пластунов из Таманского отдела.

Распределяя пополнение по командам и сотням, я наткнулся на интересный случай в моей военной жизни. В списке против фамилии одного казака, была пометка - "ранен 10-го декабря 1915 г., в Галиции". Это точно совпадало с моим ранением. Я заинтересовался. Оказалось в строю был тот пластун, которого я считал давно мертвым. Я искренне возрадовался этой встрече. Она живо напомнила мне славное прошлое непобедимой Русской Армии. Об этом случае и позвольте мне рассказать Вам.

10-го декабря 1915 г. я и этот пластун служили в 3-м Кубанском Пластунском Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича Алексея Николаевича батальоне. Батальионом командовал отважный Персидский Принц, полковник Эмануил Мирза. Батальион входил в состав 1-й Кубанской Пластунской бригады, Начальником которой был, кубанский казак, Ген. Штаба Генерал-Лейтенант Иван Емельянович Гулыга.

3-й Кубанский Пластунский батальон занимал позицию у села Шупарка, в Галиции. Село Шупарка и все большие постройки /имения/ крупного помещика, расположенные рядом, были совершенно разрушены. Недалеко от этих развалин, в густом лесу, стоял уцелевший домик лесника. В нем и расположился батальионный околоток. За домиком, в ста шагах, стояла двуколка с батальионным денежным ящиком. Его день и ночь охранял часовой.

10-го декабря 1915 г. утром командир батальиона получил от Начальника штаба бригады приказание, чтобы батальион поймал "язык" /живого противника/ и доставил его в штаб бригады. Около 11 часов утра я был вызван в штаб батальиона, где и получил приказ исполнить эту задачу.

Стояла лютая зима. Снег был выше пояса. Мы - разведчики ходили в белых плащах. С наступлением темноты мы с большой осторожностью двинулись к проволочному заграждению противника. Под селом Выгода /Галиция/, занятым австрийцами, я был ранен ружейной пулей в правое бедро. Пластуны подобрали меня и бережно отнесли в лесной домик.

Около 12-ти часов ночи за домиком раздался страшный взрыв. Земля содрогнулась. Домик затрясся. Стекла зазвенели. Кто спал - проснулся. Послышался отчаянный крик "Ой, Боже мий!" Санитары бросились на крик. Они долго не возвращались. Наконец, принесли на носилках раненого часового у денежного ящика, казака ст. Петровской Таманского отдела /фамилии, к сожалению, не помню/. Он был высокого роста, очень красивый и смертельно бледный. На вопрос почему они так долго там задержались? Санитары рассказали, что тяжелый снаряд попал под двуколку, перевернул ее, но денежный ящик уцелел. Часовой был тяжело ранен и лежал в снегу. Он одной рукой крепко сжи-

мал винтовку, а другой придерживал развороченный снарядом свой живот. Мы хотели его нести в околоток, но он упорно отказывался, говоря: "Братцы, я же поста не сдал!" Пришлось ждать разводящего и смену. По дороге он потерял сознание. Тогда все думали, что он долго не протянет.

Я до утра не мог заснуть. Часовой тяжело дышал и тихо стонал. Глядя на него, я чувствовал сразу и сожаление и умиление и гордость. Мне казалось тогда, что именно такие казаки, как этот раненый, вызвали у Наполеона лестный о казаках отзыв: "Дайте мне казаков и я с ними покорю весь мир".

Принимая во внимание его ранение, вот теперь на Волге, я хотел назначить его на нестроевую службу в обозе 2-го разряда, но он категорически от этого отказался, а настойчиво просился в I-ю сотню.

Наш батальон входил в состав 2-й Кубанской Пластунской бригады, Начальником которой был Ген. Штаба полковник Запольский. Бригада же входила в состав I-го Кубанского корпуса. Бои на фронте продолжались с прежней ожесточенностью. В первой половине сентября пехотные части противника были разбиты и, понеся большие потери, отступили на север к Пичуге.

В середине сентября, командир батальона полковник Х взял отпуск, 18 казаков и уехал в тыл реквизировать для батальона лошадей и больше в батальон не вернулся.

Я принял вр. командование батальоном.

4-го октября части I-го Кубанского корпуса перешли в решительное наступление. В течении нескольких дней продолжались упорные бои и только 10-го октября мы осилили противника и отбросили его за Дубовку.

В эти дни был получен следующий приказ Командующего армией:

" П Р И К А З

Кавказской Армии

№ 465.

Ст. Сарепта

6 октября 1919 года.

Славные войска Кавказской армии, Два месяца тому назад противник, собрав многотысячные полчища, бросил их на Царицын. Истомленные четырехсотверстным походом через безводную Калмыцкую степь, с рядами, поредевшими в кровавых боях под Великокняжеской, Царицыном и Камышином, Вы были сильны одной лишь доблестью. Бестрепетно приняли Вы удар во много раз сильнеего врага.

Отходя шаг за шагом, с безмерным мужеством отбивая жестокие удары противника, Вы дали мне время укрепить Царицын и собрать на помощь Вам войска.

В решительном сражении 23-26 августа Вы разгромили II-ю и X-ю неприятельские армии и десятитысячную конницу врага наступавшие на Царицын с севера. 18.000 пленных, 31 орудие и 160 пулеметов стали Вашей добычей.

Обратясь на юг, Вы в боях с I-го по 10-ое сентября нанесли полное поражение обходившим Вас с тыла частям IV-ой и XI-ой неприятельских армий, вновь захватив 3.000 пленных, 9 орудий и 15 пулеметов.

Выдвинув подкрепления, враг с мужеством отчаяния через 15 дней пытался повторить удар. В боях с 28-го сентября по 3-ье октября все бешенные атаки его отбиты, и 4-го октября армия перешла в наступление.

Ныне противник отброшен к северу от города на 50 верст, и Царицыну в настоящее время опасность не угрожает.

Блестящая разработка операции штабом армии, во главе с генералом Шатиловым, прекрасное руководство боем старших начальников, генералов Улагая, Писарева, Топоркова, Бабиева, Савельева и Мамонова, доблесть начальников всех степеней и беззаветная храбрость войск обеспечили победу.

Ура Вам, славные Орлы Кавказской армии.

Б.Д. Т. 5, стр. 208-209.

Генерал Врангель!

В середине октября в Дубовку прибыл и принял 9-й Кубанский батальон Ген. Штаба полковник Александр Павлович Невзоров. Он в I-ю Мировую войну служил в Штабе Кавказской Армии. Это был спокойный, умный и высоко образованный командир. Его приезду все были рады. Казаки высоко ценили его военный авторитет и такт.

Отдохнув несколько дней в Дубовке, батальон был выдвинут на позицию, в 4-5 верстах севернее Дубовки, по правой стороне глубокой и широкой балки. По этой же стороне балки были расположены и остальные батальоны 2-й Кубанской Пластунской бригады полковника Запольского, упираясь своим правым флангом в Волгу. Наш батальон занял левый фланг этого участка. Влево от нас был прорыв. Мы заняли высоту 425, что недалеко от хут. Тишино, расположенного впереди нашей позиции, на дне этой балки.

На фронте было затишье.

Наконец, 9-го ноября, рано утром, на участке 2-й Кубанской Пластунской бригады, красные большими силами перешли в решительное наступление. Густые цепи красных интенсивно поддерживали сухопутная и на моторных катерах судовая артиллерия. Сначала красные атаковали правый фланг нашей бригады, где и завязался жестокий бой.

Наш батальон был на чеку. Полковник Невзоров, я и резерв батальона, - 4-я сотня и команда разведчиков, расположились за большой скирдой соломы, недалеко от нашей передовой линии, занятой 2-й сотней. Влево от нас, в 3-4 верстах, ясно были видны 3 больших группы красной кавалерии, которая, переходя с места на место, явно выжидала удобный момент обрушиться и сбросить нас в Волгу.

Полковник Невзоров выдвинул влево нашего фланга заслон, - команду разведчиков, наблюдать за красной кавалерией. Внезапно на участке 2-й сотни поднялась страшная стрельба. Красные большими силами атаковали 2-ю сотню. В начале боя был убит наповал командир сотни, хорунжий Хорин. Сотня дрогнула и, захватив убитого командира, стала отступать. Настал критический момент. Положение спасла 4-я сотня. По приказанию полковника Невзорова я, сь 4-й сотней, стремительно бросился в контр-атаку на противника, по дороге увлекая за собой и отступающих пластунов 2-й сотни. Неожиданный и смелый удар пластунов сразу опрокинул красную пехоту, смял ее и отбросил за балку. На правом фланге красные тоже не имели

успеха. В это время красная кавалерия еще немного потопталась на месте, медленно отошла на север и скрылась за буграми. Мы заняли прежнее положение.

На поле боя было много убитых и раненых красноармейцев и пластунов, которых наши санитары быстро относили на перевязочный пункт, а потом отправляли в Дубовку.

Спустя несколько часов после боя, в Дубовку приехала "по предчувствию" жена убитого хорунжего Хорина. Эта необычайная встреча, несчастной жены с только что убитым мужем, взволновала и поразила всех, тем более, что хорунжий Хорин был доблестный офицер и все его уважали и любили.

Молча пластуны уложили в гроб верного сына Кубани, тихо поставили на подводу, посадили рядом, убитую горем вдову и преданного своему офицеру вестового и отправили на Кубань, в ст. Крымскую, Таманского отдела, для погребения.

За этот бой, командир 9-го Кубанского Пластунского батальона, полковник Невзоров, представил меня в чин Войскового Старшины, со старшинством 9 ноября 1919 года. Кстати сказать, это представление где-то затерялось и я его не получил.

На фронте снова стало тихо.

В эти дни на Кубани шла страшная политическая борьба. По приказанию Главнокомандующего часть депутатов Законодательной и Краевой Рады была арестована. 7 ноября член Краевой Рады, священник Калабухов, был военно-полевым судом приговорен к смертной казни, через повешение.

10 ноября, Кубанский Войсковой Атаман, генерал Филимонов, сложил свои полномочия.

11 ноября, был избран новый Кубанский Войсковой Атаман, коренной казак, артиллерист, Генерал Успенский, который спустя месяц заболел тифом и умер.

22 ноября, неожиданно для всех нас, Генерал Врангель оставил Кавказскую армию. Он был переведен на должность Командующего Добровольческой Армии, которая в это время терпела ужасные поражения и, под давлением громадных сил противника, отходила по всему фронту на юг.

Генерал Врангель из Кавказской армии взял с собой ген. Шатилова и Улагая.

Командующим Кавказской армией был назначен Генерал Покровский.

Все вместе взятое не могло не отразиться на настроении боевого духа в кубанских частях на фронте.

К этому времени военное счастье нас покинуло. На всех фронтах Вооруженных Сил Юга России шло общее отступление. Оно естественно коснулось и нас. В начале декабря из Дубовки началось и наше отступление.

Наступила небывалая, лютая зима. Сильные морозы сковали Волгу. Снежные бури заносили дороги. Бесперывные восточные ветры, насквозь, пронизывали людей и лошадей.

Наш батальон был переброшен на юг от Царицына по направлению на Черный Яр. Не доходя до Черного Яра, на рассвете, наш батальон смело атаковал большое село X на Волге, сильно укрепленное окопами и проволочными заграждениями. Наша атака не удалась. Сотни пластунов залегли под проволочными заграждениями и, в лютый мороз и сильный ветер, пролежали целый день, т.к. под огнем противника не было возможности отойти назад.

Полковник Невзоров, штаб и резерв батальона укрылись за скирдой соломы. Около 2-х часов дня, совершенно для нас неожиданно, к нам явился генерал Бабиев, начальник 3-й Кубанской дивизии, на своем красивом коне, со своим конвоем. Не слезая с коня, генерал Бабиев представился полковнику Невзорову и спросил, по какой причине мы не взяли село? Узнав в чем дело, пылкий и отважный генерал Бабиев предложил полковнику Невзорову свой смелый план - вновь атаковать село, для чего он может дать два конных полка. На это, спокойный и осторожный, полковник Невзоров решительно возражал генералу Бабиеву, считая, что и местный успех не изменит нашего отхода к Сарепте.

Полный энергии и решимости, сразиться с любим противником, генерал Бабиев согласился с доводами полковника Невзорова и приказал, с наступлением темноты, нам отойти в соседнее село. Он попрощался с нами, круто повернул своего коня и вместе со своим конвоем в один миг скрылся в складках местности.

В это время, в нашем тылу, с большим риском, по льду переходили Волгу наши партизаны, чтобы присоединиться к отступающим частям Кавказской армии.

Наступил вечер. Мы стаяли с позиции батальон. Подобрали на пулеметные точанки и подводы много больных и пострадавших от сильного мороза пластунов и двинулись к селу, которое было от нас на расстоянии 20-ти верст. В полночь мы пришли в село и разместились по теплым хатам. Здесь мы узнали, что переправа партизан, из-за Волги, была благополучно закончена.

В середине декабря Кавказская армия оставила Царицын.

На утро мы получили приказ двигаться на Сарепту. В Сарепте нас встретил полковник П.Я. Бойко. Он вернулся в батальон и вступил в исполнение своих обязанностей помощника командира батальона. Его приезду все были рады.

После 20-го декабря, из Сарепты мы продолжали медленно отступать вдоль железной дороги на Котельниково и дальше. Были сильные морозы. Свирепствовали вьюги. Нечеловеческие страдания пришлось переносить отступающим войскам. Пластуны стали падать духом. Людей заедали вши. Мы все отступали и отступали....

Недалеко от границы Кубани, неожиданно для всех нас, трагически погиб командир батальона, полковник А.П. Невзоров. Его зарубила красная кавалерия. Смерть его была тяжелой потерей для батальона.

9-й Кубанский Пластунский батальон принял полковник П.Я. Бойко. С ним он и отступал до Черноморского Побирнжья.

Теперь, сорок лет спустя я, своими скромными воспоминаниями, хочу хотя бы отчасти напомнить Вам, родные кубанцы, о беспримерной доблести и бесконечной жертвенности лучших сынов Кубани.

Август 1960 г.
Сиракузы, Н.И.

Е. Гулый

Просьба ко всем КАЗАКАМ.

Посылайте для напечатания в журнале "Казачий Путь" № 2 Ваши воспоминания о Крыме и Лемносе в 1920-21 г.г.

Редакция.

АТАМАН БУКРЕТОВ И КУБАНСКОЕ КАЗАЧЬЕ ВОЙСКО.

Воспоминания.

Сорок лет тому назад, мы покинули свой Родной Край. Свободолюбивые Кубанские казаки, поголовно возставшие против небывалого рабства духа и достоинства человека на земле, перед этим, почти 3 года, вели жестокую борьбу с коммунистами.

Было тогда непонятно и досадно, как могло случиться, чтобы безстрашные сыны КУБАНСКОГО ВОЙСКА, не знавшие поражений в честных боях с лучшими армиями мира, не сумели защитить, от коварного врага, свои родные станицы и свои родные очаги, оставив своих родных, жен и детей обреченными на смертный страх, нечеловеческие страдания, слёзы, голод и смерть. Оставили на разрушение храмы Божии и поругание веры своих предков.

Прошло 40 лет, а ужасная трагедия Кубанских казаков и сейчас жива в наших сердцах и упрекает совесть. Вот почему мне хочется поделиться с Вами о том, что было.

Атаман Кубанского Казачьего Войска был тогда генерал Букретов; с ним и ушли казаки в неизвестность.

Само собой понятно, если бы мы даже этого хотели, — нельзя обойти молчанием, сыгравшего ту или иную роль, при этом, бывшего Войсковым Атаманом генерала Букретова.

Я не берусь здесь ни восхвалять ни обвинять кого бы то ни было, а тем более спорить и находить "изменников Кубани".

Только казачья честь и справедливость побуждают меня правдиво и, по возможности, беспристрастно поделиться с Вами своими скромными наблюдениями о водовороте тех событий, которые предшествовали трагическому концу прекрасного, многострадального нашего Войска.

"Правитель достоин своего народа", говорит народная мудрость.

Так ли было у нас при генерале Букретове? Кто такой генерал Букретов? Как он попал к нам на Кубань? Какие силы выдвинули его на высокое положение Войскового Атамана? Наконец, — его поведение в исторический для Войска момент.

В силу разных на этот счет кривотолков я, как лично хорошо знавший ген. Букретова, считаю долгом поделиться сведениями о нем с казаками.

Свою судьбу с Кубанским Казачьим Войском он связал в Сарыкамьшских боях в 1914 году, когда блестящие, покрывшие бессмертной славой, подвиги Кубанских пластунов стали известны всему миру.

Е.В. Масловский, б. Генерал Квартирмейстер Штаба Кавказского фронта, в своем замечательном историческом очерке "МИРОВАЯ ВОЙНА НА КАВКАЗСКОМ ФРОНТЕ 1914-1917 г." об этом пишет так: "12 декабря турецкий авангард обходной колонны /9-го корпуса/ появился перед Бардусским перевалом, быстро сбил высланных из Сарыкомыша ополченцев и занял к вечеру Бардусский перевал, в пяти верстах от Сарыкамьша. Положение в самом Сарыкамьше стало критическим".

"Первоначально в течение 12-го декабря в Сарыкамьше

распоряжения исходили от случайных начальников, вследствие полной растерянности бывшего там начальника гарнизона /генерала Воропанова/.

Так, возвращавшийся из отпуска из Тифлиса, начальник штаба 2-й Кубанской Пластунской бригады полковник Букретов образовал из разных тыловых частей отряд, ядром которого послужил батальон 18 Туркестанского стр. полка, посланный генералом Юденичем на подводах из Караургана ночью с 11-го на 12-ое декабря. Полковник Букретов с этим отрядом принял на себя задачу овладения и оборону Верхн. Сарыкамыша и Чемурлыдага, а затем составил левый фланг войск, оборонявших Сарыкамыш". Стр. 92, 93.

За подвиг под Сарыкамышем он был принят в казаки Кубанского Каз. Войска, в ст. Кисляковскую, в том же 1914 году.

Генерал Николай Адрианович Букретов родился в Тифлисе в 1876 г., а умер в Нью Йорке в 1930 г. Окончил Тифлисское Реальное училище и Александровское Военное училище в Москве. Военную службу начал в Тифлисском Гренадерском полку. Окончил Академию Генерального Штаба 23 мая 1903 года.

До назначения в 1-ю Кубанскую Пластунскую бригаду служил в Кавказском Военном округе.

Назначен и.д. Начальника Штаба 2-й Куб. Пласт. Бригады, 31 июля 1914 г. На законном основании командовал 2-й Куб.Пл. Бригадой. Высочайшим приказом назначен Начальником Штаба 1-й Куб.Пл.Бригады, февраля 10, 1915 г.

Высочайшим приказом назначен Командиром 90-го пехотного Онежского полка, окт. 11 - 1915 г.

Произведен в генералы 5 дек. 1915 г.

Высочайшим приказом назначен Начальником 2-й Кубанской Пл. Бригады, Июля 29-го 1916 г.

Приказом Главнокомандующего назначен Начальником 1-й Кубанской Пластунской дивизии 1917, Окт. 14-го.

Приказом Армии и Флоту от 14 декабря 1917 г. назначен Начальником 1-й Кубанской Пластунской дивизии, с которой и пришел на Кубань.

Высочайшим указом, Капитулу даным, за упорную оборону Сарыкамыша, награжден орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-й ст., 2-го февр. 1915 г. / Специальный фельдъегер прибыл на военные позиции передать царскую награду /. Кроме того, во время воен. действий, он был награжден следующими орденами: Св. Анна 4-й ст. "За храбрость", Св. Анна 2-й ст., Св. Владимира 4 ст., Св. Владимира 3 ст., Св. Анна 1-й ст. Все ордена - с мечами и бантом.

Мне, как очевидцу и участнику походов, по должности Начальника службы связи, штаба 2-й Кубанской Пластунской бригады и штаба 1-й Кубанской Пл. дивизии, возглавляемых Ген. Штаба ген. Букретовым, не позволяет здесь место остановиться на тех фактах, заслуживающих большого внимания в жизни Кубанских Пластун, которые выдвигали ген. Букретова и заслужили ему любовь казаков.

Не удивительно поэтому, что когда пластуны были в 1917 году сведены в Кубанский Пластунский корпус, то самым сильным конкурентом, назначенного потом Комкора "пластунского батька" ген. Гулыги, - подвиги которого уже воспевались в

казацких песнях, — был ген. Букретов.

Можно безошибочно сказать, что в 1918 г., из вернувшихся со строевыми частями на Кубань военачальников, одним из самых популярных генералов в Войске был он.

Думаю, что только поэтому, в начале 18 г., бывший тогда Войсковой Атаман Филимонов, для защиты Кубани от большевиков, поручил ему первому сформировать Кубанскую Армию.

Армию сформировать ему не удалось. Энергичный порыв его в этом отношении разбился о действительность в самом же начале.

В то время масса, еще не успев разобраться в надвинувшейся сразу со всех сторон сложной политической неразберихе, молчала; также не мало было тогда тормозов и сверху. Он не выдержал обстановки и сам ушел в отставку, уступив работу по формированию Армии природному казаку Гулыге, а потом Покровскому.

В походе он не был. Он пережил приход большевиков в Екатеринодаре на Покровке, замкнувшись от всех в своей маленькой молочной ферме.

В начале августа большевики Екатеринодар оставили. В город вошла Добровольческая Армия. Немедленно Букретов явился к ген. Деникину и ген. Алексееву представиться и предложить себя в распоряжение Армии.

Генерал Деникин, не подав ему руки, обошелся с ним сухо и никакого назначения не дал, кажется за то, что, во первых, Букретов не пошел в Кубанский поход, а, во-вторых, в подписанном Букретовым воззвании к населению, незаятого еще Д. Армией Екатеринодара, он призывал сохранить спокойствие и достойно встретить Освободительную Казацкую Армию, не обмолвившись, при этом, ни словом о Д. Армии.

Я, на этот факт, позволяю себе обратить внимание потому, что, быть может, он сразу расшифровывает полное недоверие к Букретову с одной стороны Главнокомандующего; с другой же стороны это дало повод на него, обиженного ген. Деникиным, к тому же полного сил и активного желания работы, опереться "Кубанским самостийникам".

Жизнь бушевала. Бесповоротно, шаг за шагом, углублялась пропасть между Главным Командованием и Радой.

За это время бездействующего, неимеющего к достаточно-му существованию средств, ген. Букретова Кубанское Правительство пригласило на должность помощника Управляющего Торгово-Промышленным отделом Кубанского Края. Вдруг, за чем-то понадобилось Главному Командованию отдать приказ об аресте Букретова, по обвинению его, якобы, во взяточничестве. Впоследствии это, совершенно недоказанное обвинение, послужило поводом к укреплению популярности будущего Атамана в глазах волнуемого казачества.

Война же кипела. Кровь лилась рекой. Военное счастье нас покинуло. Напрягая последние силы, фронт откатывался к границам Кубани. Стояла небывалая зима. Ураганные ветры пронизывали насквозь людей и лошадей. Стыла кровь, мозг тяжеле- лел и отказывался воспринимать окружающее, радости в сердцах давно не было; заедали людей паразиты. И вот, в это время, как бы дополняя всю обездоленность и нечеловеческие

страдания фронта, подземным гулом ясно слышался ужасный, полный развал тыла.

Я утверждаю, что самое удручающее впечатление произвели на казачью массу фронта убийство Рябовола, повешение Кулабухова, высылка членов Рады за границу и т.д., хотя бы даже потому, что все были казаки — свои.

Умер, на наше несчастье, неуспевший развернуться многообещающий, коренной казак, Войсковой Атаман ген. Успенский. Еще хуже и тоскливее стали дни на Кубани. И вот на этом не-радостном фоне, полного развала жизни, был избран Кубанским Войсковым Атаманом ген. Букретов.

Его избрание, как некоренного казака, для меня явилось полной неожиданностью. Сейчас же, по своем избрании, он вызвал меня с фронта, предполагая назначить меня на должность штаб-офицера для поручений при нем, но я, в силу чрезвычайно тяжелой обстановки своей части на фронте, не находил для себя возможным принять Атаманское назначение и просил, хотя бы временно, оставить меня в строю.

Из разговора с ген. Букретовым тогда, я ясно представил себе полную его лояльность к Главнокомандованию. С присущей ему самоуверенностью он строил планы быстрого восстановления наших войсковых сил, хотя помню, проскальзывала у него боязнь, — как бы ему не встретить "саботажа" со стороны высших начальников Кубанских частей.

Я вернулся на фронт. События скоро развернулись уже на нашей земле. Думаю, что Букретов не успел еще разобраться в сложных обязанностях Войскового Атамана, как нужно было покидать Екатеринодар.

Наступил март 1920 г. В полную уже распутицу, утопая в грязи, по полному бездорожью, без продовольствия, смешавшись в кучу, — кони и люди, — старые и молодые, женщины и дети, строевые и учебные части, Атаман, Правительство и Рада, сплошной массой хлынули за Кубань, в большинстве, не отдавая себе отчета в страшном будущем.

За Кубанью, входя с пластунами в ст. Линейную, я неожиданно встретил, выходящих с казачьего двора Атамана, ген. Болховитинова и Войскового Старшину Залеского. Передав коня казаку, я остался, радуясь возможности узнать окружающую обстановку из первоисточника.

Оказывается, Атаман и его помощники выходили из заседания Рады. Атаман был вне себя от негодования. Здесь же на улице он рассказал мне о своем возмущении, поднятыми сейчас разговорами в Раде о перемирии с большевиками, и о том, что он там резко оборвал недопустимые обсуждения, категорически заявив, что Атаман Войска он, и что он приказывает отступить с полным представлением себе отчета в том, куда ведет он казачков; и куда бы не пришлось уйти и как бы мало верных ему казаков не осталось, он честь Войсковую спасет и т. д.

Вскоре Атаман с Залеским ушел в одну сторону станицы, а я, оставшись с ген. Болховитиновым, пошел в другую.

Обрисовывая общую обстановку момента, ген. Болховитинов указал на существенно важное обстоятельство — командиры Кубанских частей ген. Науменко, Бабиев, Шифнер-Маркевич, Шкуро, Муравьев и др. отступают на Туапсе и будут исполнять

только приказы ген. Улагая, к слову сказать, отошедшего в Крым через Новороссийск.

В ст. Ходыженской, через которую проходит Армовиро - Туапсинская жел. дорога, сходились почти все дороги отступающих Кубанских частей и 4 Донского Конного Корпуса. Подступы этой станицы недолгое время защищались нами, - до тех пор, пока волна отступающих не забралась и не стала переваливать через горный хребет. Шестидневный переход через горы совершался при необычайно тяжелой обстановке. Преследуемые большевитскими частями / конницей Буденного /, и засевшими всюду, обнаглевшими до края, "зелеными", переутомленные до крайности - наши войска быстро отходили в горы, устилая свой путь сплошной массой дохлых и издыхающих от голода коней.

Захудалое, совершенно обедневшее, население закубанских станиц встречало и провожало нас с явной ненавистью, зубами отвоевывая от нас свои скудные запасы и соломенные крыши построек, беспощадно поедаемых голодной армией.

В горах люди ели прошлогодние груши и орехи, кони грызли сухие ветки деревьев и объедали хвосты и гривы друг у друга. Появились умирающие от голода и заражения гнилым ядом.

Все спешили в Туапсе, предполагая, что там ждет продовольствие и отдых. И о ужас! Город был совершенно без запасов; не хотелось верить в страшную непредусмотрительность нашего отступления, и голод здесь усилился. Появились сыпной тиф и даже холера.

Казаки ходили угрюмые и злые. Донцы Кубанцам за бесценок продавали лошадей и седла, в надежде, что их самих сразу же перевезут в Крым, и что они пристроят своего друга-коня в надежные руки. Дисциплина в частях быстро падала. Уже здесь многие ходили в нерешительности: не пора ли разбежаться куда глаза глядят.

Атаман Букретов в Туапсе предполагал защищать плацдарм Туапсе - Сочи - Индюк - Гойный, но мысль эту оставил, за отсутствием продовольствия и полной небоеспособности частей. Армия катилась дальше вдоль Черноморского побережья.

В Туапсе, из короткого моего свидания с Атаманом, я выяснил его мнение о Крыме, как ненадежном мешке, оставление которого, рано или поздно, неизбежно. В случае катастрофы, говорил он, там не соберем казачьих костей. Возлагал же он тогда большую надежду на грузин, предполагая, что их руководители, личные его знакомые, не откажут нам в помощи. Букретов ожидал, что как только он переговорит с Тифлисом, то получит достаточное количество продовольствия, а, в случае военных наших неудач, и разрешение перейти их границу вооруженными. На сколько мне не изменила память сейчас, то был, не помню теперь в какой форме, разговор о передвижении нашем в район Трапезунда, где в разоренных селах, оставшихся от буквально уничтоженного армянского населения, можно было бы найти возможность переждать до возможности достойного возвращения...

Но... "друзья познаются в несчастьи" Букретов ошибся. У грузин для нас ничего не нашлось. Была ли причина тому собственная их нищета, или же их смертельный страх перед

московским комиссаром, — я не знаю.

Безвыходность замыкала круг.

Люди ходили как тени. И помню я, до содрогания, неприятную тогда картину близь Сочи. По шоссе, впереди меня, шли два казака. Голодный их взор, очевидно, в одно время, поймал заезженную на дороге кукурузину. Они разом стремительно набросились на это зерно и, как собаки, стали вперегонку выковыривать его сначала пальцами, а потом штыками и тут же с жадностью с землей его съели.

Мы все отступали, слабо сопротивляясь большевикам. На первый день Паски, 1-го апреля, на позиции был убит наповал, выдающийся боевой офицер, б. Начальник Штаба 1-й Куб. Пл. дивизии, Генштаба Полк. Запольский. От Екатеринодара нами командовал Комкор Сводно-Кубанского ген. Морозов. Мы его почти не знали. Ходили разговоры, что это талантливый военный профессор, но, как руководитель, — нас, молодых, получивших сноровку в боях, его ведение операций, расположение и группирование частей, — не удовлетворяли. Среди офицеров усиливалось глухое негодование на Морозова и тревога за недобрый наш конец.

Тогда я решил съездить в Сочи и поговорить с Атаманом. В час ночи он меня принял. В дверях его кабинета я встретился с славным пластунским генералом Сидоренко, Командиром Кубанского учебного батальона. Он выходил от Атамана. Не увеличивая и ничего не скрывая, я Атаману доложил общий моральный упадок, даже среди лучших офицеров, и положение на фронте; о ген. Морозове формулировал мнение большинства так: "Нами командует или полная бездарность, или преступник". На это мне Атаман удивленно заметил: "Сейчас только от меня ушел ген. Сидоренко, докладывавший о Морозове совершенно обратное".

Переживая неприятное чувство, я сказал: "Дай Бог, чтобы мы ошиблись, но то, что есть среди нас, я по долгу чести Вам-Атаману — докладываю". В виду надвигающейся над нами катастрофы, я в ту же ночь предлагал Атаману немедленно и решительно взять в свои руки всю полноту власти на Побережьи, а его высокое Атаманское положение это ему позволяло. Если же Рада, как таковая, станет чинить препятствия к сговору с Главкомом, то ее не должен слушать, а через их головы, опираясь на строевых, во что бы то ни стало, договориться с Крымом.

Может быть поэтому, отъезжая в Крым, прощаясь на берегу со мной, он сказал: "Помните Е.И., — да Вы меня и знаете, — что я могу сговориться и с чертом".

Вместе с Председателем Правительства Иванисом, Атаман уехал в Крым. Как то сразу укрепилась надежда на спасение положения. Прояснилась всеобщая угрюмость. Легче стало дышать.

Дни бежали. Атаман не возвращался. Напрасно, с усиливающейся с каждым часом тревогой "выглядали" казаки, не задымит ли на горизонте, не раз их возивший, в славном прошлом, Черноморский флот и не привезет ли он желанных: хлеба, фуража, снаряжения и вдохновения к победе.

Собирались кучами — шептались казаки. Не находя себе места, бродили по Побережью, не менее нас несчастные, донцы,

глубоко веря, что их то не бросит Донской Атаман.

В середине апреля усиленно стали поговаривать о мире, упорно циркулировали слухи об ультимативном требовании англичан, большевикам и ген. Врангелю, о прекращении "никому не нужной бойни" и т. д.

Жутко, несказанно больно, было смотреть на 60-тысячную казачью армию, умевшую когда то, достойно имени казака, сражаться с врагами, посерьезнее большевиков, а теперь беспомощную, как выброшенную на сушу рыбу, покорно ожидающую самоуничтожения....

Наконец вернулись Букретов и Иванис.

С их приездом, положение не улучшилось. Вскоре же после этого Атаман был на фронте и, выезжая на шоссе, я с ним, сошедшим с автомобиля, имел разговор. Весь наш разговор сводился к поездке его в Крым. Атаман мне рассказал, что он, в присутствии Атаманов Донского, Терского и ген. Шатилова, настаивал перед ген. Врангелем: 1/ о признании его Командующим Черноморского побережья, 2/ об отозвании, через Улагая в Крым "строптивых", ему не желающих подчиняться, генералов Науменко, Бабиева, Муравьева и др., 3/ о снабжении, немедленно, Кубанской армии продовольствием и снаряжением и т.д. Его же, Атамана, ген. Врангель, за якобы категорический отказ перевозить кубанцев в Крым, приказал военно-морскому ведомству не брать ни на один, отходящий из Крыма, пароход и фактически арестовал его.

Только после вмешательства В.Атаманов Дона и Терека и ген. Шатилова, указавших на неприкосновенность личности вольного Атамана, согласно конституции, - ген. Врангель послал за ним ген. Шатилова, извинился перед ним и назначил его Командующим Кубанской армией, пообещав снабжение и т.д.

С этим и вернулся к нам Букретов.

Злой рок преследовал казачью армию. Снабжение так и не пришло. Любимые казаками и прославившиеся ген. Науменко и Бабиев, за несколько дней до сдачи, были отозваны в Крым, Фестиков остался в горах. Кубанский рыцарь Улагай был в Крыму. Шкуро перевозил своих "волков" и партизан.

Шифнер-Маркевич, один из первых, не веря в Крым, на военном совете в Адлере, подал голос за капитуляцию. Его большой авторитет больно подкосил воинственные крылья присутствующих его соратников и это молниеносно разлетелось по частям, указывая на ужасную и полную нашу безвыходность.

В силу предшествующих событий полки, пластунские батальоны и даже дивизии, возглавлялись молодыми штаб-офицерами, достойными своих постов по храбрости и распорядительности, но совершенно неискушенных в политике и дипломатии. Без денег, без хлеба и фуража, с единственным лишь воинским порывом и верностью казачеству, они, без руководства свыше, были беспомощны.

В этот день большевики потеснили Сводно-Кубанский корпус. Очевидно, в случайно неразрушенную нами телефонную связь, включились большевики, к телефону подошел Начдив 50 Советской Егоров и вызвав к аппарату ген. Морозова, предложил ему начать мирные переговоры о прекращении "бесцельной бойни".

Немедленно Морозов об этом передал Атаману. На это Атаман --

и Правительство, как об этом сохранились данные у Войскового Ст. Залеского, близко стоявшего к Атаману Букретову, выделили комиссию из Председателя Правительства Иваниса, Начальника штаба ген. Дреллинга, от донцов ген. Голубинцева, а от кубанцев ген. Морозова.

Комиссия, выработав условия перемирия, передала их большевикам. Условия содержали следующие пункты:

1. Прекращение враждебных действий и заключение перемирия впредь до подписания мирного договора.

2. В основание, при выработке условий перемирия, а в последствии мирного договора, должны быть поставлены следующие идеи:

а/ обе группы должны смотреть друг на друга, как на части одного великого народа и не стремиться к уничтожению, или унижению противника, как то бывает при внешних войнах. Сторонам надлежит думать лишь о светлом будущем;

б/ заключенные соглашения должны вести к долгому, прочному миру, т.е. не иметь в своем содержании никаких пунктов, которые бы явились обидными, или унижительными для какой-нибудь стороны, оставляли бы чувство недоброжелательности, или даже вызывали чувство мести и не могли бы служить поводом к новым восстаниям и борьбе.

Для достижения целей, указанных в первых 2-х пунктах, необходимо принять во внимание особый уклад казачьей жизни и казачьего быта.

3. Почти 3-х летняя гражданская война создала атмосферу взаимного недоверия, подозрительности, непримиримости. Поэтому, при ведении переговоров, необходимо проявлять и подчеркивать особое доверчивое отношение сторон друг к другу.

4. Условия перемирия:

а/ демаркационная линия сторон, - нейтральная полоса: река Сочи - правый берег, река Бзыбь - левый берег. Между ними нейтральная полоса.

б/ срок перемирия - до подписания мирного договора.

в/ передвижение желающих жителей в местности, занятые противной стороной, с разрешения подлежащих начальников, не ниже начальника дивизии. Ныне же выход на полевые работы. Гарантирование им полной неприкосновенности личной и имущественной, как во время движения, так и на местах и снабжение их надлежащими документами от обеих сторон".

В ответ на это большевики, в 12 часов дня 18 апреля 1920, ответили своими условиями:

1. Гарантируется свобода всем, за исключением уголовных преступников, которые будут подвергнуты суду рев. трибунала.

2. Гарантируется свобода всем, сдавшимся и выразившим желание поступить в красную армию и бороться со всеми, кто посягнет на территорию Советской республики.

3. Инициаторам и руководителям восстаний свобода не гарантируется. Они подлежат заключению в трудовые батальоны или концентрационные лагеря до конца гражданской войны, и только, в виде особой милости, будут допущены в ряды красной армии.

4. Кони, седла, без вознаграждения, сдаются красной армии и могут быть возвращены только поступившим в ряды ее.

5. Все огнестрельное оружие, пашки, подлежат сдаче. Кинжалы могут быть сохранены под честное слово, что они не будут обращены против советской власти, или отдельных ее представителей.

6. Содействие возвращения на родину будет оказано по - столько, поскольку позволит расстояние - водный путь.

7. Гарантируется неприкосновенность личности всем согласно пп. 1 и 2, о неприкосновенности имущества, гарантируется всем, живущим своим трудом, не принадлежащим к классу эксплуататоров.

8. На ответ дается 12-часовой срок, после чего, при не получении удовлетворительного ответа, военные действия возобновляются с удвоенной энергией, и ни в какие мирные переговоры вступлено не будет.

9. Условия будут считаться нарушенными, если, хоть один человек, после вручения условий, будет пропущен в Грузию, или уедет в Крым.

Командир Васильченко, член военного совета Онучин, передал военком Рабинович".

Условия капитуляции были объявлены.

Для окончательного разрешения вопроса в Адлере, под председательством Букретова, состоялось совещание начальников кубанских частей, членов правительства и представителей Рады.

На заседании Морозов заявил, что он с кубанскими частями дать отпор большевикам не сможет. Совещание вынесло принципиальное решение принять ультиматум большевиков, но, чтобы выиграть время, создали новую комиссию для выяснения неясных пунктов.

На второй день, как сохранилось в памяти у Залеского, получены были разъяснения от большевиков и второй ультиматум.

Атаман телеграфировал Морозову: " Передайте большевикам, за Вашей подписью, следующий ответ - принципиальных возражений нет, необходимо казаков, вернувшихся в станицы, считать на правах со всеми гражданами; хотя мною и отдано распоряжение о не въезде в Крым и Грузию, но ответственности за неисполнение приказа на себя не беру, т.к. казаки уходят самовольно. Благоволите прислать документы с подлинными Вашими подписями на мое, ген. Морозова, имя. На сообщение и разъяснение этих условий частям войск, в виду их разбросанности, необходимо 2-3 суток. Морозов. Букретов".

Так была сдана армия. Странно, что в эти тяжелые дни для армии, даже при наличии полной неприязни к генералу Букретову и Раде, ген. Врангель и Улагай не нашли возможным приехать на Черноморское побережье повидаться и поддержать казаков.... Советская сводка гласила, что сдалось 60 тысяч казаков, но в действительности контрольный пункт ген. Морозова, зарегистрировал всего лишь 34 тысячи.

Букретов, как свидетельствует В.Ст. Залеский, решил разделить судьбу казаков и также сдать большевикам, о чем и заявил англичанам. Потом он явился на последнее заседание Рады и сообщил Раде о своем решении - о сдаче. После короткого обсуждения Рада постановила, что она сдается большевикам, а Атаман с булавой сдаваться не должен, и Рада настаивала на

отъезде Букретова. Он с булавой сел на английский крейсер "Карадок" и уехал в Грузию; вскоре после этого, он добровольно сложил свои Атаманские полномочия и передал Булаву Войскового Атамана Председателю Правительства Г-ну Иванису.

За этот короткий промежуток времени, только отдельные счастливицы да первопоходники, получили возможность погрузиться и уехать в Крым к всеобщей зависти остающихся в плену. На произвол судьбы остались желающие бежать куда угодно, но только не к красным, — даже командиры отдельных частей.

Офицеры остались на своих постах и испили до дна чашу страдания красного плена, вместе со своими братьями казаками, — в большинстве поплатились жизнью.

2-го мая большевистские части прошли к грузинской границе. В это время комиссия большевиков, между Адлером и Сочи, принимала по очереди наше оружие и коней.

Обезоруженная, спешенная, голодная армия тысячными толпами, с бурками и сумами на плечах, двигалась на Туапсе. Среди них был и сам Морозов на равном положении. В Туапсе офицеров и чиновников от казаков выделили. Казаков водили по биографам и митингам.

Потом всех погнали, под конвоем одиночных красноармейцев, через ст. Белореченскую и Геленджик, в г. Екатеринодар — в лагери.

Много погибло служилой кубанской интеллигенции, начиная от зауряд-чиновника, вольноопределяющегося и выше.

Наконец, приказом на 5 августа, вызывались и все, оставшиеся от похода на Кубани, офицеры и чиновники, независимо от возраста и состояния здоровья, на регистрацию — Таманский и Ейский отделы в ст. Кущевскую, Екатеринодарский и Майкопский — в Екатеринодар, а остальные в ст. Кавказскую; после чего массами начали высылать в Архангельск и Холмогоры.

Мало того, выселение коснулось потом подхорунжих, вахмистров и урядников, которых, главным образом, перевезли на Волгу и в Екатеринбург.

До 6 тысяч казаков погибло на севере, а сколько их "кануло в вечность" в одиночку и малыми группами по разным городам России — не знаю, досчитается ли, когда-нибудь, наше Правительство? Но несомненно одно — Кубанское Каз. Войско, современем, поставит надгробный памятник всем братьям казакам, который будет говорить о великих страданиях Казачества за Русь Святую и за казачью вольность.

Кто виноват в этой капитуляции — выяснит история; нам же, оставшимся в живых, казакам, при всех обстоятельствах, нельзя никогда терять надежды, что рано или поздно, Милосердный Господь сжалится над истерзанными остатками, когда то могучего Кубанского Войска и, под Покровом Царицы Небесной, Оно вновь возродится в прежней СЛАВЕ и ВЕЛИЧИИ.

Февраль 1960 г.

Е. ГУЛЫЙ

Сиракузы, Н.Й.

От редакции: Цена, с пересылкой 1 амер. доллар.

Прошу не отказать в любезности тех, кто, по каким-либо причинам, не может принять этот номер, вернуть его мне, по адресу: Ermolay Guly, 735 Otisco Str. Syracuse 4, N.Y., U.S.A.

Vyaceslav Naumenko
P.O. Box 126
Orangeburg, N. Y. U. S. A.